

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893.a. VIHİK 917 ВЫПУСК Основаны в 1893.г.

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК

XI

ТАРТУ 1990

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АНТРОПОСОФИИ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

Рената фон Майдель

Настоящая работа представляет собой попытку указать на некоторые моменты пересечения антропософии и русской духовной атмосферы в действительности в первые годы после революции 1917 года и не претендует на полное и исчерпывающее исследование всех аспектов этой проблемы.

Некоторые идеи Рудольфа Штейнера (1861–1925), не всегда основополагающие в его философии, получили в России своеобразное и быстрое развитие. Так, антропософское представление об идеале было легко воспринято на почве русского символизма с его мечтой об идеале — Софии. Совпало также представление символизма и антропософии об особенной роли России во взаимоотношениях Востока и Запада. Кроме того, идеи Р. Штейнера о том, что конкретные действия могут привести к реализации идеальных представлений, к синтезу науки, религии, философии и действительности, слились с настроениями определенной части интеллигенции первых послереволюционных лет. С другой стороны, именно потому, что антропософские идеи были столь созвучны настроениям того времени, не вызывает удивления возникновение других, схожих с антропософскими философских течений и кружков. Таким образом, антропософия не играла ведущей роли в культурной жизни того времени, а оказалась в ряду идейно близких ей направлений философской мысли. Эти сходные между собой направления философии, в том числе и антропософия, имели следующие характерные особенности: с одной стороны, стремление к целостности и синтезу, а с другой, — к конкретному осуществлению философских идей.

Антропософское стремление к цельности проявляется как в личном, так и в социальном, общественном плане. Р. Штейнер видел высшее проявление человека в его жизни как чувствующего, мыслящего и действующего существа в материальной, чувственной, духовной и высшей сферах и указал “как достигнуть познаний высших миров”¹. Только братское человечество, состоящее из таких всесторонне и гармонично развитых личностей, в состоянии нести бремя всечеловеческих задач. Миссией

антропософии является “одухотворение окружающей среды, одухотворение культуры, всех профессий и занятий, интересов и достижений”². Для этого необходимо восстановление связи между духом и материей, наукой и мистикой, разными религиями и культурами, между философией и действием. Антропософия как целостное идеалистическое учение может быть практически применена к разным областям жизни: к педагогике, земледелию, медицине, религии, искусству и политике. Основные идеи социального преобразования общества Р. Штейнер изложил в своей работе “Основные черты социального вопроса в жизненной необходимости настоящего и будущего”³, в которой он разделил “общественный организм” на три области и связал каждую из этих областей с одним из лозунгов французской революции: экономику с братством, политику и право с равенством и культуру со свободой. Отсюда выводилась цель конкретного осуществления нового трехчленного общества.

Особое значение для русских антропософов имели высказывания Р. Штейнера об истории культуры, об эпохах мирового развития культур⁴, причем в наступающей шестой эпохе, эпохе “самодуха” (Geistselbst), должны преобладать качества, свойственные русскому характеру, такие как терпимость, восприимчивость, самоотверженность и духовность⁵. Те свойства, благодаря которым дух следующей эпохи будет воплощен русским народом, находились, по Р. Штейнеру, пока еще “в зародыше”⁶: в русском элементе лежат “семена развития самодуха <...> широкая масса русского населения <...> несет в себе зачаток для развития самодуха в шестом послеоатлантическом периоде культуры”⁷. “Дух русского народа”, по словам Р. Штейнера, “молод, он — весь надежда, его задачи еще впереди”⁸. Русские “сегодня еще дети”⁹, но в народном духе “можно найти те вопросы, без ответов на которые человечество не сможет существовать в будущем”¹⁰. Эти вопросы рождаются именно на почве русского чувства общности, братства, любви к человеку и способности к сочувствию¹¹. Особенно важным для мирового развития Р. Штейнер считал три свойства русского народа:

- высокоразвитую восприимчивость души ко всему духовному;
- отвращение к подчинению жизни интеллектуальному началу;
- миролюбие, религиозную терпимость¹².

Следствие этого — русская способность к целостному мышлению: “В русском характере интеллектуальность одновременно является мистикой, а мистика интеллектуальностью”¹³.

Чтобы развивать эти свойства и выполнять свою миссию, русскому народу необходима связь с Западом, так как “Восток

сам по себе также ни к чему не приведет, как желание женщины без участия мужчины родить ребенка”¹⁴. Образ брака Востока и Запада, заключенного на территории России, неоднократно встречается у Р. Штейнера¹⁵. Итак, шестая культура родится тогда, когда “восточное начало, подобно женственному началу, будет оплодотворено мужским началом Запада”¹⁶. Уже в прошлом Восточная Европа проявляла свои способности именно в сближении с Западом: “Свою склонность к восприятию чистой духовности восточный европеец показал тем, что с величайшей самоотверженностью принимал западную культуру, тем самым пророчески предвещая, что способен воспринимать и более великие истины”¹⁷.

Основные черты русского народа определены его пониманием Христа. И поскольку те, кто принадлежал “к этой области европейского Востока, держали свои души открытыми навстречу непрекращающемуся струению в них Христова импульса, навстречу беспрестанному, непрекращающемуся присутствию Христова веяния <...>, русский народ в самом широком смысле слова стал в европейской цивилизации народом Христа <...>. Христос все время присутствует в этом народе как проникающая мышление и чувство этого народа внутренняя аура”¹⁸. Воплощение этого импульса, его “доказательство”¹⁹ — Вл. Соловьев. Его понимание Христа — это “заря, предвещающая рассвет более поздней культуры”²⁰. В философии Соловьева — “росток философии самодуха шестой культурной эпохи”²¹, так как в ней пересекаются религия и философское мировоззрение, его философия “говорит религиозным языком, а религия стремится быть философским мировоззрением”²². В этом и заключается превосходство русской философии по сравнению со стареющей западноевропейской. Философия Соловьева “гигантскими шагами опередила и гегельянство и кантианство; и, проникая в атмосферу этой философии, вдруг видишь в ней что-то вроде ростка дальнейшего развития”²³. У Р. Штейнера это связано с его пониманием Христа в России как утренней зари шестой послелатинтической культуры²⁴.

Представление о России как о посреднике между Востоком и Западом, между мистикой и разумом и о ее духовном пути к шестой культуре на благо всего человечества Р. Штейнер сам связывал со славянофильскими размышлениями²⁵, характерными и для части русской интеллигенции этой эпохи²⁶. Как в некоторой степени синкретическая философия, антропософия вызывала интерес в России именно благодаря содержащемуся в ней призыву к активному действию.

Подобное отношение к русской действительности характерно для поэтов, входивших в группу “Скифы”²⁷. Они собирались

в основном вокруг Р.В. Иванова-Разумника, благодаря которому в "Скифах" происходит сближение Белого и Блока с Есениным и Клюевым" ²⁸. В политическом плане "скифство" оказалось близко к левозсеровским идеям, но в основном усилия "Скифов" были направлены не на конкретные политические действия, а скорее на метаполитические цели ²⁹. Они выпустили под редакцией Иванова-Разумника два сборника "Скифы" (в 1917 и в 1918 году), сотрудничали в газете "Знамя труда" и в журнале "Наш путь".

С их точки зрения, Скиф — это максималист, духовно и интеллектуально независимый, самым страшным врагом которого является мещанство; он живет в вечной готовности к революции и мятежу и ищет новую мистическую цельность ³⁰. Как одну из главных тем "Скифы" обсуждали проблему "Восток — Запад" и возлагали надежду на то, что русская духовность может спасти и Запад, и Россию от мещанства. Россия для них — воплощение человеческой судьбы, микрокосм мира, разделенного на Запад — рациональный, высокоразвитый, индивидуалистический — и Восток — дикий, стихийный, управляемый инстинктами и чувствами, но зато восприимчивый и имеющий духовные связи с народом. "Скифы" считали, что русская народность должна путем революции соединить оба полюса, и таким образом развивающаяся новая культура получит возможность влиять на культуру всемирную. Они неоднократно определяли обе части потерянного единства:

Восток — Запад
чувство — разум
деревня — город
природа — цивилизация
народ — интеллигенция.

Россия, рождающаяся из соединения восточного мистицизма и западной абстрактной мысли, несет в себе зародыш всемирного спасения, возможность воплощения Софии как мирового духа. Ее конкретная задача — создание нового, синкретического единства мира. Философия Соловьева может служить, по словам Белого, "философией жизненного пути" ("от максимума к конкретному его воплощению") ³¹, и максимализм заставляет "Скифов" сделать первый шаг на этом пути.

Поэтому "Скифы" приветствовали революцию ³² и как разрыв со старой культурой, мещанством, и как попытку нового синтеза, создания нового человека, носителя русского мессианства ³³. Несмотря на некоторые различия в содержании понятия идеи ³⁴, "Скифы" и антропософы были близки в постановке основных вопросов, и их идейные парадигмы во многом совпадали.

Проблема “Восток — Запад” присутствует и в истории возникновения антропософии, поскольку антропософия представляет собой соединение восточного теософского мистицизма с рациональным подходом и христианским учением. В своих обращениях к русским антропософам³⁵ Р. Штейнер говорил, что теософия, корни которой находятся в России (Р. Штейнер имел в виду русское происхождение Е.П. Блаватской³⁶), через Запад должна возвратиться в Россию³⁷. Еще в 1913 году увлечение части русской интеллигенции идеями Р. Штейнера привело к созданию Русского Антропософского Общества под председательством Бориса Павловича Григорова³⁸. Русское Антропософское Общество носило имя Вл. Соловьева, потому что его члены видели в творчестве Р. Штейнера как раз соединение религиозной философии Соловьева с естественными науками. Антропософское Общество организовало многочисленные заседания, доклады и вечера, на которых председательствовали, кроме Григорова, А. Белый, К.Н. Васильева (Вугаева) и М.П. Столяров³⁹; было основано также московское издательство “Духовное Знание”, которое издавало переводы Р. Штейнера и близкую к антропософии литературу.

Революционные события были встречены русскими антропософами с подъемом и надеждой на новые возможности распространения своих идей. М. Сабашникова (Волошина) описывает это время как “уникально свободные месяцы, когда антропософия могла заявить о себе публичными лекциями”⁴⁰. Высказывания Р. Штейнера дали антропософам основу для осмысления революции, “понятым становится и великое всемирное значение русской социальной революции, этой ослепительной вспышки, этого могучего порыва русской народной души, предчувствие ее духовно-исторической миссии”⁴¹. Ведущие русские антропософы вернулись во время революционных событий из Швейцарии, из Дорнаха⁴², в Россию⁴³ и приняли участие в просветительской работе⁴⁴. А. Белый описывал свое отношение к культурной работе в послереволюционной России так: “... моя концепция не двух, а трех Революция (политической, социальной, духовной) <...> Я был за принцип Советов, как за рычаг переворота, еще с 1905 года; и в 1917 году я надеялся, что в этом принципе найдет себе развитие и духовный переворот”⁴⁵, “в переориентировке мне виделись условия возможности нового стиля культурной работы в России для подлинного антропософа; задание его — найти себе подлинное активное место в своей стране”⁴⁶. Антропософия является, по его словам, “предназначением русского будущего новой культуры <...> путь для антропософии в России открылся”⁴⁷.

Белый приводил примеры положительного отношения к Ок-

тябрьской революции среди антропософов⁴⁸; он называл имена К.А. Лигского⁴⁹, М.В. Сабашниковой, Т.Г. Трапезникова, Л.Н. и К.Н. Васильевых, А.С. Петровского и др. Их просветительская работа часто была и единственным источником существования⁵⁰. Несмотря на тяжелые условия, просветительская работа вначале имела особый пафос⁵¹. М. Сабашникова писала о предложении работать в московском Пролеткульте: "Открывать нашему народу путь к искусству было осуществлением самого глубокого стремления моей души. Я приехала из Дорнаха, из источника новых художественных импульсов, и могла работать в том месте, которое должно было дать пример пролетариату всей России"⁵². После своего возвращения в Россию в 1917 году она читала доклады и преподавала эзритмию⁵³ в Антропософском Обществе, работала секретарем в отделе живописи Пролеткульта и в ТЕО Наркомпроса⁵⁴. Историк искусства Т. Трапезников был с 1918 до 1924⁵⁵ года одним из главных организаторов Отдела охраны памятников искусства и старины. Полезную работу "в общерусском масштабе"⁵⁶ можно было понимать и как сохранение культурных основ для будущих задач русского народа. Филолог М. Столяров после 1917 года участвовал не только в мероприятиях Антропософского Общества⁵⁷, но и читал лекции в Институте Слова, в союзе писателей, Дворце Искусств, в ГАХН, руководил литературной студией при Пролеткульте⁵⁸. Ярким примером сочетания культурного просветительства с антропософским пафосом является деятельность Белого⁵⁹. Значение для него антропософии в эти годы меняется, на смену понимания антропософии как "пути" самопознания и достижения высших миров приходит антропософия как "культура"⁶⁰ (т.е. основа культурной работы). "С 1917 до 1921 года перед русскими антропософами стояли задачи, не снившиеся антропософам Запада, вопросы о связи культуры России в ее становлении с культурой антропософии в ее становлении"⁶¹. Исходя из такого понимания задач русских антропософов, он принимал активное участие в разнообразных начинаниях, выступал на литературных собраниях и вечерах⁶², работал в ТЕО Наркомпроса, в московском Пролеткульте, московском Дворце Искусств и в Вольной Философской Ассоциации.

Связь Русского Антропософского Общества с Дорнахом в 1917–1920 гг. почти прервалась⁶³, но Общество продолжало свою работу, и среди членов формировались разные оценки текущих событий. Григоров продолжал занятия Общества так, как это было до революции: в маленьких кружках, в тишине, "при закрытых дверях" в целях личного самоусовершенствования читались и обсуждались доклады и циклы лекций. Многие антропософы были недовольны таким положением дел⁶⁴, при кото-

ром Антропософское Общество приобретало характер секты, а не играло существенную роль в общественной жизни⁶⁵, и решили образовать новую группу. Р. Штейнер одобрил создание этой группы и предлагал назвать ее именем Ломоносова, которого Р. Штейнер считал просветителем России, стремившимся к соединению Запада с Востоком⁶⁶. В эту “ломоносовскую группу” вошли А. Белый, Т. Трапезников, М. Столяров, К. Васильева и М. Сабашникова. Целью этой группы было просвещение русского народа и распространение антропософской мысли⁶⁷. Члены “ломоносовской группы” сотрудничали с группами других направлений, например с толстовцами (т.е. с Обществом истинной свободы), с членами “Христианского Студенческого Союза” и “анархоистиками”. Эти группы собирались, в основном, в вегетарианской столовой толстовцев и организовывали там доклады и диспуты⁶⁸.

Соединение социалистической культурной работы и идеалистической философии было характерно не только для деятельности отдельных антропософов, оно вызывало также перемены внутри существующих кружков и вело к образованию новых организаций. Так была создана и работала Вольная Философская Ассоциация, Вольфила, основанная в 1919 году в Петрограде как философское общество на социалистической основе, изучающее различные религиозные системы. В “Объяснительной записке к проекту положения о Вольной Философской Академии”, подписанной Блоком, Ивановым-Разумником, Штейнбергом и Эрбергом, было заявлено: “Русская Революция открывает перед Россией и перед всем миром широкие и всеобъемлющие перспективы культурного творчества. Впервые из идеи Единого Человечества делаются практические выводы. Мечта о соборном строительстве единого здания мировой культуры может, наконец, осуществиться в действительности и должна принять характер конкретной организационной попытки. Этому делу хочет посвятить себя Вольная Философская Академия. Она связывает со словом Академия память о первых источниках европейской культуры, когда науки, искусства и общественность еще были связаны цельностью <...> Именно в этом смысле работа Академии должна протекать в духе философии и социализма”⁶⁹.

Организацию академии коллегия Наркомпроса под председательством А.В. Луначарского сочла “преждевременной”⁷⁰, но приняла после года “хлопот и неудач”⁷¹ на общем собрании в ноябре 1919 года измененное “Положение о Вольной философской ассоциации”⁷². Председателем Вольфилы стал Белый, товарищем председателя — Иванов-Разумник⁷³. Первое заседание состоялось 16 ноября 1919 года и открылось докладом Блока “Крушение гуманизма”⁷⁴. В дальнейшем по воскресеньям устраива-

лись доклады с обсуждениями, которые пользовались большим успехом в петроградском обществе. Для более узкого круга людей были организованы занятия в кружках⁷⁵ по философии культуры, философии марксизма, философии анархизма, философии народничества, религии, математике, антропософии и др.⁷⁶

Характерной чертой Вольфила является стремление к синтезу, а именно к соединению разных культур и религий между собой, к синтезу культурных традиций и современных потребностей общества, т.е. к синтезу философии, жизни, социализма и действия⁷⁷. При этом, как указывает Н.И. Гаген-Торн, основным вопросом был вопрос о "месте человека в Революции"⁷⁸. Таким образом, в организации Вольфила символическое жизнетворчество и "скифское" стремление к духовной революции нашли свое конкретное воплощение⁷⁹.

В 1921 году секция Вольфила была открыта в Москве. Деятельность ее, как и в том же году основанной берлинской Вольфила, не имела сходного с петроградской организацией размаха. Инициаторами ее создания были Белый (председатель), Столяров (пом. председателя), Г. Шпет и др.⁸⁰. Белый постоянно связывал культурную роль Вольфила с антропософскими принципами. "Дух Dreigliederung" для него "дух Вольфила"⁸¹. А во время его разочарования в Р. Штейнере он пишет из Берлина Иванову-Разумнику: "Штейнер — разжиженная "Вольфила". Берегите "Вольфилу"⁸²."

Деятельность Вольфила имела ряд черт, характерных для условий первых послереволюционных лет:

— энтузиазм в деле просвещения народа⁸³, связанный с надеждой на будущее грамотное, братское и творческое общество⁸⁴;

— временное освобождение от регламентации в культурной жизни, возможность сотрудничества представителей разных политических и духовных течений⁸⁵;

— ограниченные бытовые возможности (в частности, энергетический и продовольственный кризис, нехватка помещений для проведения собраний и т.д.), которые делали необходимым сотрудничество людей разных кругов;

— переход от печатной к устным формам существования слова как следствие издательского кризиса⁸⁶.

Таким образом, в ситуации первых послереволюционных лет в России развивались особые синтетические мировоззрения, влияющие друг на друга: в антропософских кружках, в литературной группе "Скифы" и в организации просветительской работы, в создании Вольфила.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Steiner R. Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten. — Berlin, 1904/1905.

² Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском Антропологическом Обществе (1917–23 гг.). Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. — Париж, 1988. — Т. 6. — С. 46.

³ Steiner R. Die Kernpunkte der sozialen Frage in den Lebensnotwendigkeiten der Gegenwart und Zukunft. — 1919.

⁴ Послеатлантические эпохи: первая — индийская, вторая — древнеперсидская, третья — египетско-халдейская, четвертая — греко-латинская, пятая — центрально-европейская, шестая — славянская, седьмая — американская.

⁵ Сходная идея особой роли России, сформулированная Г.Ф. Лейбницем в его концепции “культурного круговорота”, была уже известна в России. См. у Мережковского: “Мысль, которую слышал недавно от философа Лейбница <...> — о “коловоращении наук”: все науки и искусства родились на Востоке и в Греции; оттуда перешли в Италию, потом во Францию, Германию и, наконец, через Польшу в Россию. Теперь пришла и наша черед” (Мережковский Д.С. Петр и Алексей. — Спб., 1907. — С. 38). Задача и будущее России в том, что она “соединит Европу с Азией, примирит Запад с Востоком” (Там же. — С. 107).

⁶ S<teiner> R. Die soziale Grundforderung unserer Zeit — In geänderter Zeitlage. — Dornach, 1979. — S. 152.

⁷ Штейнер Р. Из области духовнонаучных исследований. Лекции и циклы лекций, прочитанные в период от 1910 по 1924 год. Перевод Пугибина О. — Дорнах, 1967. — Т. 2. — С. 661.

⁸ Steiner R. Der Zusammenhang des Menschen mit der elementarischen Welt. — Dornach, 1968. — S. 213.

⁹ Steiner R. Menschliche und menschheitliche Entwicklungswahrheiten. — Dornach, 1982. — S. 330.

¹⁰ Steiner R. Der Zusammenhang des Menschen mit der elementarischen Welt. — Dornach, 1968. — S. 205.

¹¹ Р. Штейнер говорил, что именно со стороны Восточной Европы он встретил “так много настоящей, истинной человеческой любви, сердечности и сострадания к ближнему” (Steiner R. Der Zusammenhang des Menschen mit der elementarischen Welt. — Dornach, 1968. — S. 204).

¹² См.: Steiner R. Die geistigen Hintergründe des Ersten Weltkrieges. — Dornach, 1973. — S. 139–141.

¹³ Steiner R. Menschliche und menschheitliche Entwicklungswahrheiten. — Dornach, 1982. — S. 184.

¹⁴ Steiner R. Menschenschicksale und Völkerschicksale. Schicksalsbildung und Leben nach dem Tod. — Dornach, 1960. — S. 82–83.

¹⁵ О России как месте космического брака “люциферических и ариманических сил” см. также Steiner R. Kulturphänomene. — Dornach, 1961. — S. 108–109.

¹⁶ Steiner R. Die geistigen Hintergründe des Ersten Weltkrieges. —

Dornach, 1973. — S. 42.

¹⁷ Steiner R. Die Mission einzelner Volksseelen im Zusammenhang mit der germanisch-nordischen Mythologie. — Dornach, 1983. — S. 186.

¹⁸ Штейнер Р. Из области духовнонаучных исследований. — Дорнах, 1967. — Т. 2. — С. 637–638.

¹⁹ Там же. — С. 638.

²⁰ Steiner R. Die Mission einzelner Volksseelen. — Dornach, 1983. — S. 187–188.

²¹ Там же. — С. 89.

²² Steiner R. Wladimir Solowjoff, ein Vermittler zwischen Ost und West // Steiner R. Der Goetheanumgedanke inmitten der Kulturkrise der Gegenwart. Gesammelte Aufsätze 1921–1925. — Dornach, 1961. — S. 64.

²³ Steiner R. Die Mission einzelner Volksseelen. — Dornach, 1983. — S. 188.

²⁴ Там же.

²⁵ Штейнер указывал на некоторые параллели, в частности, с идеями Хомякова. См.: Steiner R. Aufsätze über die Dreigliederung des sozialen Organismus. — Dornach, 1961. — S. 300 ff.

²⁶ При этом существуют и высказывания Р. Штейнера, в которых он явно расходится со славянофилами, например: “Нет более трагического, серьезного впечатления, чем то, которое можно получить, присутствуя на богослужении русской православной церкви, где человеческое Я верующих почти полностью исключено”. (Steiner R. Das Geheimnis des Todes. Wesen und Bedeutung Mitteleuropas und die europäischen Volksgeister. — Dornach, 1967. — S. 143).

²⁷ Об истории “Скифов” см.: Hoffman S. Scythianism: a cultural vision in revolutionary Russia. Diss. — Columbia, 1975.

²⁸ Азадовский К.М. Письма Н.А. Ключева к Блоку // Литературное наследство. — Т. 92. — Кн. 4. — С. 452.

²⁹ Иванов-Разумник говорил по этому поводу: “Нет, “Скифы” — не партия, но они и не аполитичны” (Памяти Александра Блока. — Пг., 1922. — С. 58).

³⁰ См предисловие к первому сборнику “Скифы”: “враг у них <...> общий: это мещанин” (“Скифы”, Сборник первый. — Пб., 1917. — С. XII), “разве скиф — не всегда готов на мятеж?” (Там же. — С. VIII), “Дело” <...> в вечной “революционности” (Там же. — С. X).

³¹ Памяти Александра Блока. — Пг., 1922. — С. 11.

³² “Революция будет или всемирной, или временно погибнет. И русский народ идет ко всему миру с открытой душой и с благой вестью о всемирной свободе” (Иванов-Разумник, Р.В. Две России // “Скифы”. Сборник второй. — Пб., 1918. — С. 224).

³³ Первоначально Иванов-Разумник приветствовал Октябрьскую революцию. Февральскую революцию он считал недостаточно радикальной. См.: Duncan P.J.S. Ivanov-Razumnik and the Russian Revolution: From Scythianism to Suffocation // Canadian Slavonic Papers. — 1979. — N 1. — P. 18.

³⁴ О негативном отношении Иванова-Разумника к антропософии см. например: Лавров А.В. Рукописный архив Андрея Белого в

Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. — Л., 1980. — С. 26–27.

³⁵ Имеются в виду два обращения Р. Штейнера к русской аудитории во время циклов лекций, прочитанных в Хельсингфорсе ("Die geistigen Wesenheiten in den Himmelskörpern und Naturreichen" 11.4.1912 и "Die okkulten Grundlagen der Bhagavad Gita" 5.6.1913).

³⁶ Она "обладала всеми русскими свойствами <...> и осталась во многих, многих отношениях ребенком" Steiner R. Der Zusammenhang des Menschen mit der elementarischen Welt. — Dornach, 1968. — S. 194–195).

³⁷ "Теософия распространилась на Западе и через Европу должна прийти на Восток". (Steiner R. Der Zusammenhang des Menschen mit der elementarischen Welt. — Dornach, 1968. — S. 194–195).

³⁸ Fedjuschin V.B. Russlands Sehnsucht nach Spiritualität Theosophie, Anthroposophie und die Russen. — Schaffhausen, 1988. — S. 98–119.

³⁹ См.: Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. — Париж, 1990. — Т. 9. — С. 473–483.

⁴⁰ Woloschin M. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen einer Malepin. — Frankfurt, 1987. — S. 309.

⁴¹ Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском Антропософском Обществе (1917–23 гг.). — С. 49.

⁴² Дорнах — деревня, где находится Гетеанум — центр антропософского движения.

⁴³ Русскую монархию Р. Штейнер считал явлением чуждым русскому народу, "восточной карикатурой на принцип введения земного государства в сущность религии" (Штейнер Р. Из области духовнонаучных исследований. — Дорнах, 1967. — Т. 2. — С. 665), и поэтому он "действительно радовался в начале революции освобождению России от дома Романовых" (Тургенева А. По поводу "Института истории искусств" // Мосты. — 1968. — № 12. — С. 360), но при этом считал большевизм вредным продуктом западного абстрактного мышления, слившегося с восточным мистицизмом. В 1918 г. он говорил, что "то, что сейчас утвердилось на востоке Европы, является, конечно, противоположным тому, как должен развиваться восток Европы" (Steiner R. Erdensterben und Weltenleben. — Dornach, 1967. — S. 328). "Для русской революции в ее сегодняшнем проявлении характерно отсутствие связи с тем, что созревает в народе России для предстоящей шестой послесатлантической эпохи" (Steiner R. Die soziale Grundforderung unserer Zeit — In geänderter Zeitlage. — Dornach, 1979. — S. 130–131). Впоследствии шла дискуссия о возможности влияния высказываний Р. Штейнера на возвращение антропософов в Россию (например, Белого и Трапезникова). См.: Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Мосты. — 1968. — № 13–14. — С. 248.

⁴⁴ Р. Штейнер сам вел просветительскую и педагогическую работу в течение многих лет. С 1899 до 1905 года он преподавал в берлинской школе для рабочих (основана В. Либкнехтом), впоследствии периодически читал специальные лекции для рабочих, особенно в связи с концепцией трехчленности социального организма.

⁴⁵ Белый А. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития. — *Ann Arbor*, 1982. — С. 103.

⁴⁶ Там же. — С. 108.

⁴⁷ Bjely A. Die Anthroposophie und Russland // *Die Drei*. — Stuttgart, 1922. — N 5. — S. 384.

⁴⁸ По поводу следствия, под которым находились антропософы, Белый подал в 1931 году заявление советскому прокурору Кананинута (К биографии Андрея Белого: Три документа. Пуб. Г.П. Струве // *Новый журнал*. — 1976. № 124. — С. 154–158).

⁴⁹ Антропософ, который в 1918 г. стал членом Коммунистической партии, позже консулом в Варшаве, Токио и Афинах. См.: Там же. — С. 157.

⁵⁰ Белый пишет об этом в черновике письма к А. Тургеневой: “Литература угасла: Нет бумаги. Мы все писатели служили <...> сообщения затруднены (члены <Антропософского Общества> же живут в разных квартирах, и все — служат)”: ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 53.

⁵¹ В частности, обстоятельства обусловили и возможность строить все заново, “не еда, не тепло, не быт, не традиция, <...> и это — “Не”: противопоставлялось огромное “Да” материала курсов книг Штейнера” (Белый А. Почему я стал символистом... — С. 105–106).

⁵² Woloschin M. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen einer Malerin. Stuttgart, 1987. — S. 314.

⁵³ Антропософское искусство движения.

⁵⁴ Ср. Woloschin M. Ук. соч. — С. 301–361.

⁵⁵ Он вернулся в 1917 году из Дорнаха в Россию, потому что был призван в армию.

⁵⁶ Белый о Трапезникове (см.: Белый А. Почему я стал символистом. — С. 108).

⁵⁷ “Кружок по изучению “Философии Свободы” М.П. Столярова” (Андрей Белый и антропософия // *Минувшее*. — Париж, 1990. — № 9. — С. 473) “и участие в кружке мистерии” (Там же. — С. 478).

⁵⁸ “В 1918–19, 20–21, 21–22 годах я читал в литературной студии сначала Московского, потом Всероссийского Пролеткульта курс по теории художественной прозы...” См. *Curriculum vitae* 21.II 1921. ЦГАЛИ, ф. 941, оп. 10, ед. хр. 597.

⁵⁹ В 1916 г. в связи с призывом на военную службу Белый вернулся из Дорнаха в Россию. Р. Штейнер, по словам Сабашниковой, по поводу его отъезда сказал, что “в России нельзя будет работать <...> в России можно будет только пережить хаос и чистилище. Может быть, только инженеры смогут там найти себе применение” (Woloschin M. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen einer Malerin. — Stuttgart, 1987. — S. 297).

⁶⁰ Nivat G. Andrej Belyj: Lettre autobiographique à Ivanov-Razumnik // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. — janv.-juin 1974. — XV (1–2). — P. 78.

⁶¹ Белый А. Почему я стал символистом... — С. 105.

⁶² Он назвал 1920 г. "годом максимального лекционного напряжения" (Лавров А.В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. — Л., 1981. — С. 59).

⁶³ Белый об этом пишет А. Тургеневой: "никакого импульса жизни из Дорнаха". (Письмо Андрея Белого // Воздушные пути. — 1967. — № 5. — С. 305).

⁶⁴ А.С. Петровский пишет об этом Белому 7.IX 1921: "У нас довольно оживленно. Но тяжелый момент — разрушение Григоровского узла, потому что общество не могло дальше жить и развиваться". (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 242).

⁶⁵ См. Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском Антропософском Обществе (1917–23). — С. 45–51; и Белый А. Почему я стал символистом. — С. 106.

⁶⁶ Уже раньше Р. Штейнер говорил о Ломоносове, что "душа Галилея воплощается вновь в России в личности Ломоносова" (Steiner R. Kosmische und menschliche Geschichte. — Dornach, 1966. — Band 5. — Teil 2. — S. 168.)

⁶⁷ Белый пишет о переменах внутри Антропософского Общества А. Тургеневой в 1921 г.: "А об<шест>во полно теперь жизнью, произошли решительные перемены <...> принята программа реорганизации в духе Кеарингст'ов которые переводятся (если не переведены)". (Письмо Андрея Белого // Воздушные пути. — 1967. — № 5. — С. 309) (имеется в виду "Die Kernpunkte der sozialen Frage", где Р. Штейнер излагает концепцию "трехчленности социального организма").

⁶⁸ В 1922 году столовая была закрыта и собрания прекращены. См. Жемчужникова М.Н. Ук. соч. — С. 40–45.

⁶⁹ Объяснительная записка к проекту положения о "Вольной Философской Академии" // Временник Театрального Отдела. — 1918. — № 1. — С. 12.

⁷⁰ См. также у Блока: "В Москве нашли "несвоевременной" Вольную философскую академию и предложили учредить Вольное философское общество (с субсидией)". (Блок А.А. Записные книжки 1901–1920. — М., 1965. — С. 447).

⁷¹ Иванов-Разумник в письме Блоку (26.9.1919) // Литературное наследство. — 1981. — Т. 92. — Кн. 2. — С. 412.

⁷² См. Чагин В.А., Ключин В.И. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. — Л., 1975. — С. 34.

⁷³ В январе 1919 г. собирались 12 членов-учредителей: Р.В. Иванов-Разумник, А.А. Блок, А.М. Авраамов, А. Белый, С.Д. Мстиславский, К.С. Петров-Водкин, Л. Шестов, А.З. Штейнберг, К. Эрберг. См.: Лавров А.В. Переписка <Блока> с Р.В. Ивановым-Разумником // Литературное наследство. — Т. 92. — Кн. 2. — С. 380.

⁷⁴ "Тема эта, тема кризиса современной европейской культуры, стала основной в ряде последующих докладов и чтений". (Вольная философская ассоциация // Книга и Революция. — 1920. — № 2. — С. 91).

⁷⁵ "Каждый вечер работало по 2 кружка с 6–8 ч. и с 8–10 ч."

(Н.И. Гаген-Торн. — Вольфила: Вольно-философская Ассоциация в Ленинграде в 1920–1922 гг. Предисловие и публ. Г.Ю. Гаген-Торн // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 103. “300 публичных собраний за три года жизни — одна эта цифра указывает на размах “В.Ф.А.”; не упоминаю ее кружков, ее курсов, ее интимных собраний и т.д.” Белый А. Почему я стал символистом... — С. 109. К деятельности Вольфилы см. также: Вольная Философская Ассоциация // Записки передвижного театра Гайдебурова и Скарской. — 1923. — № 58. — С. 5–6; Андрей Белый. Вольная Философская Ассоциация // Новая русская книга. — Берлин, 1922. — № 1. — С. 32–33.

⁷⁶ См. Вольная философская ассоциация // Книга и Революция. — 1920. — № 2. — С. 92. “Антропософия” как тема обсуждения в Вольфиле встречается неоднократно, в основном в связи с Белым. См., например: “Антропософия как путь самопознания”, курс лекций Белого при В<ольной> Ф<илософской> А<ссоциации>. Петербург, май-июнь 1920 г. Андрей Белый и Антропософия // Минувшее. — Париж, 1990. — Т. 9. — С. 480. В 1921 году в Вольфиле состоялось открытое заседание по теме “Об антропософии”, на котором выступил Л.В. Пумпянский. Ср. Андрей Белый. Вольная Философская Ассоциация // Новая русская книга. — Берлин, 1922. — № 1. — С. 32. 28.6.1921 г. в кружке А.А. Мейера состоялось “обсуждение новой книги Штейнера о социальном вопросе (по поводу предстоящего доклада Л.В. <Пумпянского> в Вольфиле против Антропософии и Андрея Белого”. (ГПБ, ф. 601, № 1585, л. 134. 3.7.1921 г.). Пумпянский пишет Белому: “Доклад об антропософии прошел не так, как я хотел, — меня никто не понял или почти никто”. (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 249).

⁷⁷ “Философию оно (философское общество, Вольфила. — Р. фон М.) не отделяет от живой, конкретной общечеловеческой общественности <...>, ее задач в духе философии и социализма <...>, философия должна быть тенденциозна” (Вольная Философская Ассоциация // Наука и ее работники. — 1920. — № 1. — С. 26–27). Н.И. Гаген-Торн цитирует Штейнберга: “Для Вольфилы также философия дело жизни, а дело жизни — освящается философией” (Н.И. Гаген-Торн: Вольфила // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 102.

⁷⁸ Н.И. Гаген-Торн. Ук. соч. — С. 99.

⁷⁹ Е.Г. Лундберг в письме К. Эрбергу (15.4.1919 г.) называет Вольфилу даже “Скифской Академией” (Литературное наследство. — 1982. — Т. 92. — Кн. 3. — С. 486). Это объясняется и тем, что в “Скифах” тогда принимали то или иное участие почти все те, кто позднее так или иначе вошли в Вольную Философскую Ассоциацию (Иванов-Разумник // Памяти Александра Блока. — Пг., 1922. — С. 57).

⁸⁰ Белый писал об этом, что “опять духом Арго повеяло, когда мы — я, С.М. Соловьев и Нилендер, старинные “аргонавты”, участвовали в организации московской Вольфилы” (Белый А. Воспоминания О Блоке. — Nachdruck nach “Ерореја” 1–4. Moskau/Berlin, 1922/3. — München, 1969. — С. 65).

⁸¹ В письме А. Тургеневой (Письмо Андрея Белого // Воздуш-

ные пути. — 1967. — 5. — С. 309); имеется в виду “трехчленность социального организма”, которую Вольфила, по мнению Белого, воплотила уже до того, когда эта идея стала известной в России, — “эта-то трехчленность, как ритм устремления, и лежала в основе “В.Ф.А.”, и закладывалась независимо от идей Штейнера, нам, членам совета “В.Ф.А.” неизвестных в 1919–1920 годах” (Белый А. Почему я стал символистом... — С. 110).

⁸² В письме из Берлина 15.1.1922 г. (Лавров А.В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. — Л., 1980. — С. 54).

⁸³ “Помещения тогда раздавались бесплатно. Бесплатно читали доклады и лекции, бесплатно приходили слушать — все желающие” (Н.И. Гаген-Торн, Ук. соч. — С. 90).

⁸⁴ На открытом заседании Вольфила (2.5.1920 г.) на тему “Солнечный Град” (Беседа об Интернационале) (по поводу 300-летия Города Солнца Кампанеллы) Белый положил в основу доклада свой идеал “органического коллективизма” (см.: Лавров А.В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. — М., 1980. — С. 45). Лавров здесь указывает на аналогию Города Солнца с антропософским Гетеанумом и на связь идеи духовного братства с коммунистическим Интернационалом (там же. — С. 44). См. также Долгополов Л.К. Начало знакомств // Андрей Белый. Проблемы творчества. Сост. Ст. Лесневского и Ал. Михайлова. — М., 1988. — С. 84–86.

⁸⁵ “Вольфила охватывала самые различные слои интеллигенции, в ее стенах сталкивались и вступали в дискуссии различные мировоззрения, встречались самые разные люди” (Н.И. Гаген-Торн. Ук. соч. — С. 103).

⁸⁶ Иванов-Разумник об истории “скифства”: “Газета и журнал, в которых работала наша “скифская” группа, — перестали существовать, о третьем сборнике нельзя было и мечтать в виду развала типографического дела и других условий. Дорога печатного слова была закрыта — оставалось обратиться к слову живому. Так зародилась в конце 1918 года идея Вольной Философской Академии” (Памяти Александра Блока. — Пг., 1922. — С. 60).